

больной старецъ, лежа въ постели у чужихъ людей въ Крыму, далеко отъ любимой Москвы, этой второй его родины.—До такой минуты дожилъ, что и отсюда, изъ этого дома, гдѣ я только гощу, чужіе же опять люди вывезутъ меня,—не на вѣки же они меня, такую рухлядь, держать станутъ. На что я имъ, нуженъ такой, хилый, дряхлый дѣдъ?

И, вправду, онъ отгадалъ свою участь. Чужіе люди, пріютившіе было его у себя въ домѣ, уже принялись раскаиваться, слыша стоны страдальца. Такъ называемый „гостепріимный хозяинъ“ сталъ, покачивая головою, размышлять:—Что мы съ нимъ тутъ будемъ дѣлать? Не свезти ли скорѣй, пока не поздно, въ больницу? А то, вѣдь, возни-то сколько будетъ въ случаѣ, если... Тутъ онъ не договорилъ, а только прибавилъ: всѣ вѣдь мы подъ Богомъ ходимъ.

Словомъ, крымскіе „друзья“ смалодушествовали. Не хотѣлось имъ наживать себѣ излишнія безпокойства и рѣшили отдѣлаться, „въ случаѣ, если что“...

Это значило:—„если старику станетъ хуже“.

А старикъ совсѣмъ такъ ужъ, безъ какой-бы то ни было борьбы, сдаваться въ руки смерти не хотѣлъ, не соглашался. Онъ слишкомъ былъ энергиченъ для этого. Правда, отчасти смерть тянула его къ себѣ: онъ жаждалъ успокоенія, хотѣлъ бы забыться и заснуть.

— Но нельзя забыться, нельзя заснуть,—съ волненіемъ, не въ первый ужъ, а въ сотый, въ тысячный разъ размышлялъ онъ, лежа на одрѣ болѣзни,—нельзя отдыхать, когда на рукахъ у тебя столько питомцевъ, юныхъ и старыхъ, больныхъ и безпомощныхъ,—нѣтъ, надо подтянуться.